

Василий Брусянин

Дворянин Венчиков

Василий Васильевич Брусянин
Дворянин Венчиков
Серия «Дом на костях»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9468306

Аннотация

«Моё появление в усадьбе Степана Ивановича не произвело особенного впечатления ни на хозяев, ни на гостей.

Когда бричка, в которой я проехал 30 вёрст по отвратительной дороге, подкатила к воротам усадьбы, нас с возницей встретили две лающих дворняжки; в воротах со мною раскланялся какой-то мужичонко в чепане, наброшенном на плечи, а когда бричка остановилась около высокого крыльца со стеклянной дверью, – на пороге появился сам Степан Иванович, кругленький маленький человек, с брюшком и с лысиной на неуклюжем черепе. Он улыбнулся, прищурил глаза, и сказал:

– Пожалуйте-с, как раз к завтраку...»

Содержание

I	4
II	14
III	26

Василий Брусянин Дворянин Венчиков

I

Моё появление в усадьбе Степана Ивановича не произвело особенного впечатления ни на хозяев, ни на гостей.

Когда бричка, в которой я проехал 30 вёрст по отвратительной дороге, подкатила к воротам усадьбы, нас с возницей встретили две лающих дворняжки; в воротах со мною раскланялся какой-то мужичонко в чепане, наброшенном на плечи, а когда бричка остановилась около высокого крыльца со стеклянной дверью, – на пороге появился сам Степан Иванович, кругленький маленький человек, с брюшком и с лысиной на неуклюжем черепе. Он улыбнулся, прищулив глаза, и сказал:

– Пожалуйста-с, как раз к завтраку...

Я пожал его руку, поздравил с днём ангела, и он снова улыбнулся, потом почему-то покраснел и тихо проговорил:

– Благодарствуйте-с... Покорно благодарим... А у нас там и гости съехались, соседи...

Он провёл меня в зал, с гардинами на окнах, подбежал к узенькой двери направо и громко крикнул:

– Серафима Васильевна!

Через минуту в двери появилась низенькая, пухленькая дама в тёмном платье с белыми кружевами и в переднике, который она свернула в трубку и конфузливо припрятывала за бок. Я пожал её протянутую руку, и она так же как и муж проговорила:

– Пожалуйста-с, как раз к завтраку...

Я поздравил её с именинником, и она, поблагодарив меня, попросила пройти на террасу.

На террасе были гости, очевидно, так же как и я приехавшие поздравить хозяина. За столом, покрытым белой скатертью, сидели трое мужчин и дама.

Когда хозяин представил меня даме, она пробормотала что-то вместо фамилии и улыбнулась, наклонив голову, так что вместо лица её я рассмотрел тёмную кружевную наколку на седых вьющихся волосах. Фамилии господина в тёмном сюртуке, белом галстуке и с седыми усами я также не слышал, встретившись с пристальным взглядом его больших серых глаз.

Его сосед, мужчина лет 50, обернул ко мне своё красное одутловатое лицо с широкой бородой и залысившимся лбом и безмолвно протянул ко мне свою полную руку. Потом он приподнялся со стула, обдёрнул полы своего сюртука и снова в безмолвии сел.

Рыжий, с проседью, широкоплечий господин в парусинном пиджаке, сидевший по другую сторону стола, слегка приподнялся, когда я подошёл к нему, и громко произнёс:

– Дворянин Венчиков! – и обернувшись к господину в сюртуке и меняя тон, добавил. – Так вот, я его прямо за шиворот да и в переднюю.

– Кого это? – спросил хозяин.

– Преображенского... судебного пристава, – спокойно ответил хозяину дворянин Венчиков. – На ружья хотел печати наложить. Понимаете, на ружья... Да, ведь, это что же такое, чёрт возьми! У меня ружья дороже его... Да, наконец, что же я без ружей буду делать?.. Со скуки подохнешь, да опять же я и не могу, не могу...

Дворянин Венчиков посмотрел на меня каким-то испытующим взором и несколько спокойнее добавил:

– Выпроводил я его в переднюю, забрал свои все ружья и пистолеты, да ягдташи, да в окно с ними, прямо в сад... А потом, понимаете, в ригу с ними, в самый дальний угол, да там и спрятал их под солому, – сам чёрт не найдёт... Прихожу потом в дом как ни в чём не бывало и вижу – сидит мой пристав за письменным столом и что-то пишет. Покосился на меня, переглянулся с урядником и хоть бы слово!.. Понимаете, понял, собака, что ружья для меня – святыня, неприкосновенность!.. Вот видите – и в нём сказался благородный человек...

Говорил дворянин Венчиков таким густым басом, а мне всё время казалось, что к моим ушам приложены широкие концы рупора, в который говорит этот полный здоровья человек, с отвисшим брюшком и красными щеками.

Закончив свой рассказ о благородстве судебного пристава, Венчиков отдулся, стёр платком со лба капли пота и с улыбкой на лице проговорил, обращаясь к хозяйке:

– Позволили бы вы мне ещё стаканчик кофейку... Чудесный у вас кофе!..

Появившаяся в эту минуту в дверях горничная с подносом, на котором стояло несколько стаканов с чёрным кофе, с улыбкой подошла к Венчикову, а улыбающийся хозяин вставил:

– Вот-с, пожалуйста... С быстротою молнии...

– Да, да... Даша ваша – быстрая девица, быстрая... Замуж вот только не хочет идти за моего Панкратова... А он, бедный, всё полнеет да полнеет...

Хозяева, дама с седыми волосами и гость с широкой бородой рассмеялись, а мы с господином в сюртуке взяли себе по стакану кофе и заговорили о породе. Скоро к нашему разговору присоединились и остальные, кроме Серафимы Васильевны, которая, извинившись, пошла распоряжаться по хозяйству.

С разговора о погоде незаметно перешли к охоте, чему способствовал, главным образом, Венчиков, встретив поддержку со стороны седого худощавого господина в сюртуке, которого, как оказалось, звали Николаем Романовичем Постниковым.

– А вот мы с Лукою Данилычем так ничего не понимаем в охоте, тяжелы, что ли, на подъём али так с детства

не приспособились, – начал хозяин, присаживаясь между мною и человеком с тёмной широкой бородою.

– Когда я был мальчонкой – с удочкой любил ходить, – вставил Лука Данилыч.

– Когда ты, Чумаков, был мальчиком – рыбку на стальные крючочки ловил, а теперь на медные да на серебряные ловишь человечков, – вмешался в наш разговор Венчиков, бесцеремонно «тыкая» купца и ехидно улыбаясь...

– Ха-ха!.. И шутник же вы, Сергей Константинович, – только и нашёлся возразить немного разобиженный купец.

Степан Иванович покраснел за обиженного гостя и, очевидно, с намерением переменить разговор, начал, обращаясь ко мне:

– Вот беда-то у нас страшная: всё высохло – и хлеба, и травы полегли да пожелтели, и в саду всё посохло.

– Я уж и не знаю, что с земной поверхностью делается, – прерывая хозяина, заговорил и Николай Романович, – то великий ливень, так что хоть наводнением в пору назвать, то сушь... Бог знает, что творится...

– Бога прогневили... Бога... Забыли люди заповедь его, вот и пошли долголетние наказания, – счёл необходимым высказать своё мнение и Лука Данилович Чумаков.

– А вот находятся же писаки, бумагомаратели, которые, видите ли, больше нас знают... Да-с!.. Они вон всё на дворян да на землевладельцев сваливают. «Потому, – говорят, – дворянская земля и не родит, что господа дворяне не умеют

её обрабатывать»... Ты всё знаешь, так вот ты нам и покажи, – вдруг переменив тон, обратился он к какому-то «ты». – Все, изволите ли видеть, упрекают дворян в том, что они разучились обрабатывать землю и живут себе, проживая последние усадьбы, а того господа учёные да корреспонденты и не сообразят, что всему вина – стихия. Природа!.. Да-с, стихия!.. Что ты в самом деле с нею сделаешь? Палит солнце целыми днями – и ничего ты с ним не сделаешь. Тоже и дождь: соберутся тучи, загромыхает гром и польются ручьи... Подставляй ладонь-то, уберегай сена... Пожалуй, бережёшь!.. Вы, господа, – почему-то обратился он ко мне, – не землевладельцы, природы не наблюдаете и ничего не знаете, что тут у нас делается. Приедете вот вы, примерно, хоть в гости к Степану Иванычу, рассмотрите только одни односторонние явления, а потом и хватъ – корреспонденция!.. И начнут газетчики глумиться над нашими местами и начнут везде критику наводить: там дворяне не умеют землю обрабатывать, тут у них усадьбы валяются, там земские начальники притесняют народ, тут ещё что-нибудь неладное... Тьфу!.. Приехали бы, пожили с нами да в наши-то шкуры залезли бы, вот тогда и поняли бы всю подноготную...

Венчиков прервал поток своих словоизвержений и тяжело вздохнул.

– А батюшка Никандр обещал к вам пожаловать? – воспользовавшись молчанием, спросил Чумаков, обратившись к Степану Ивановичу.

– Нет, не будет, – с сокрушением в голосе отвечал хозяин, – сегодня на панихиде по Александру Александровичу Хвостову...

Венчиков вытер губы салфеткой и произнёс:

– Да, помер Александр Александрович, царствие ему небесное!.. Убираются наши столбовые, коренные губернские дворяне, убираются... один за другим, один за другим...

– Да, убираются, – вздохнув, произнёс и Николай Романович.

– И нам с вами, Николай Романович, верно, недолго останется проскрипеть, – снова начал Венчиков.

Наступило мрачное молчание, как будто над головами присутствующих зареяли призраки смерти, напугав всех нас, благодушно настроенных гостей Степана Ивановича.

– Фамилия Хвостовых – самая древняя у нас в губернии, – вставила и всё время молчавшая Марья Романовна Постникова. – Была я ещё подростком, а они все, Хвостовы, служили в кавалерии... Бывало, ни один губернский бал не пройдёт без них. Красавцы были, танцоры... В прошлом году повстречалась я с покойным Александром Александровичем, и так же вот вспомянули мы с ним прошлое, да оба чуть и не всплакнули... Сидит он предо мною – худой, старый и чуть дышит... Да и я-то тоже чуть ноги таскаю... Брат его, Николай Александрович, был ещё прекраснее... В гвардию потом перевёлся, в Петербург, да там и помер...

– Да, пожили в своё время Хвостовы. На всю, да что на всю губернию – на всю Россию гремели своим богатством да знатностью, – с пафосом начал было Венчиков, но потом как-то сразу тон его голоса упал, и он негромко добавил, – да, пожили мы, пожили...

Венчиков налил себе в стаканчик мадеры, отхлебнул несколько глотков и, обращаясь к Степану Ивановичу, начал:

– Вот ваше сословие, Степан Иваныч, не может пожить так, как когда-то жили дворяне... Нет в вас во всех этакого дворянского-то духа, смелости-то этой не отыщется.

Степан Иванович поднял голову и посмотрел на гостя смущёнными глазами, очевидно, затруднившись, как поступить – обидеться ли за всё своё сословие или улыбнуться в знак согласия с мнением прямолинейного Венчикова, но потом он улыбнулся и тихо проговорил:

– Не скажите, Сергей Константинович. Умеем и мы погулять.

– Да-а, не скажите! – пришёл на помощь хозяину и Чумаков.

– Ну-у, Лука Данилыч! – не унимался Венчиков. – Поедете вы раз в год на Нижегородскую ярмарку или в Москву да и напьётесь так, что и не помните ничего и ничего не видите, что у вас перед глазами... Это раз-то в год – какая гулянка!?. А?.. У нас, бывало, целый год Нижегородская ярмарка! Да!.. Целый год...

Он допил из стакана вино и, повернув ко мне лицо, неожиданно для всех спросил:

– А вы, если позволите узнать, к какому сословию себя причисляете?..

И он пристально осмотрел мои волосы, лицо, руки и костюм. Я сказал.

– О-о!.. Мещане!.. Это уже совсем отсталый народ, так сказать, на задворках цивилизации... Вы, конечно, на меня не обидитесь, – переменяв тон, продолжал он и даже протянул через стол руку и слегка дотронулся до моего рукава, – вы, конечно, на меня не обидитесь, потому речь идёт не о вас лично... Вон Степан Иваныч говорил мне, что вы – человек образованный, в университете побывали. Вы, так сказать, личный дворянин по закону, а я говорю о мещанах, об этих серых мещанах, которые вон у нас в городе торгуют там разными овощами да бубликами, да хатки себе этикие крошечные понастроили и на ставенках петушков нарисовали...

– Нынче есть такие мещане, что не хуже господ живут, – вставила хозяйка, появившаяся в дверях, и в голосе её слышалась чуть заметная обида.

Обида отразилась и на лице Степана Ивановича, и он проговорил:

– Мы тоже, Сергей Константинович, из мещан происходим, а вот видите – живём, слава Богу.

Лука Данилович Чумаков чуть слышно барабанил пальцами по столу и хмурил брови.

Поняв неловкость своего выражения, Сергей Константинович даже приподнялся со стула и, протянув к Степану Ивановичу и его супруге обе руки, с улыбкой на лице воскликнул:

– Голубчики! Да не вздумайте вы на меня обижаться... Ведь, я не про вас лично, а про сословие, про целое сословие. Ведь, я никого не хотел обидеть, я, так сказать, констатирую факт... Понимаете, факт констатирую, исторический факт... Так, ведь? – обращаясь ко мне, спросил он.

Я промолчал и посмотрел на обиженные лица хозяев и Чумакова.

Несколько минут все мы молчали, заканчивая завтрак и звякая ножами и вилками. Когда хозяин наполнил крошечные рюмки ликёром, Сергей Константинович начал расхваливать пирог и перечислил все блюда, из которых состоял завтрак, производя каждому из них соответствующую оценку. Серафима Васильевна приняла похвалы гостя за чистую монету, и выражения обиды на её лице как не бывало. Она старательно угощала нас и жеманно улыбалась.

II

Гости, кроме Серафимы Васильевны, отправились после завтрака осматривать усадьбу Степана Иваныча.

Как истый кавалер Сергей Константинович шёл впереди всех, рядом с Марьей Романовной, занимая её разговорами; сзади них, упираясь на палку, плёлся старичок Николай Романович, в паре с Лукою Демьянычем, на шарообразной голове которого белел чесучовый картуз, а на ногах из-под низу длиннополого сюртука виднелись большие лакированные сапоги. Сзади всех, в хвосте, шёл я со Степаном Иванычем, который во всё время пути чутко прислушивался к общему разговору и иногда вставлял краткие замечания.

Немного замедлив шаги, Степан Иваныч попридержал меня за рукав и тихо проговорил:

– Кичится дворянством-то... А чем кичится-то?.. Землишки десятин двести осталось – не больше – и никакого хозяйства... Эту усадьбу-то я, ведь, у него купил, у Сергея Константиновича.

Степан Иваныч немного помолчал и добавил:

– И чем ему, ей-Богу, кичиться? Чем?.. Живёт так, что еле душа в теле, а посмотрите-ка вы, куда гнёт – предками своими похваляется... Мы, мещане да купцы, видите ли, не можем жить так, как они жили. Покучивали и мы в своё время, когда была к тому охота. Кутнём и сейчас, если понадобится

ся, и ни у кого денег занимать не будем... А он... – Степан Иванович незаметно для других ткнул рукою в сторону Венчикова, – и по сей день мне двести семьдесят пять рублей не может отдать... Дворяни-ин...

И он с презрительной миной на лице отвернулся в сторону огородов, мимо которых мы проходили.

– А огороды-то у вас, Степан Иваныч, важные, чёрт возьми! – громко заявил Венчиков, приостановившись и обернувшись назад.

– Да, огороды прелестные, – вставила и Марья Романовна. Мы все столпились около изгороди, на гладко утоптанной широкой тропинке, и сквозь дощатый решетник рассматривали огородные гряды, засаженные овощами.

– И какой же вы смышлёный, Степан Иваныч, чёрт побери!.. Когда я тут жил, я не знал, что мне с этим местом делать: трава тут не росла, а не то что огороды заводить. Собаки, бывало, бегали, да лошадей на привязи гоняли, а вы, посмотрите-ка, какую штуку умудрились соорудить. А!..

– Тысячи две возов навоза вывез, так вот и стали огороды, – с самодовольной улыбкой проговорил Степан Иванович.

– Да-а, знатно! Знатно!.. – подтверждал всё ещё изумлённый Венчиков.

– Вот вы давеча сказали, что мы, купцы да мещане, не умеем пожить, а на поверку-то выходит, что вы, господа дворяне, прогулками-то занимались, а хозяйства вести не умели.

У вас вот тут собаки, говорите, бегали, да лошади на привязи гонялись, а у меня репка, картошка, капуста да и прочий овощ растёт...

И, очевидно, для того, чтобы немного сгладить тон своего выражения, Степан Иванович засмеялся дробным смехом и дружелюбно сжал руку Венчикова, с улыбкой на лице заглядывая ему в глаза.

– Ну, так это что же!.. Мы картошку с капусткой не кушали, а другим пробавлялись, – с ехидной улыбкой на губах произнёс Сергей Константинович и незаметно для Степана Ивановича подмигнул левым глазом Николаю Романовичу.

Тот улыбнулся сдержанной улыбкой и поправил в правом ухе вату, как бы давая тем понять спорщикам, что он не совсем хорошо слышит их препирательства и взаимные уколы самолюбия.

– А что, Николай Романыч, разве я не правду говорю?.. А?.. – обратился Венчиков к старичку.

Тот промолчал и поправил ватку в левом ухе.

Всё время Николай Романович держал себя так, как бы опасаясь чем-либо обидеть хозяина. Когда Сергей Константинович был резок в своих выражениях, он прятал голову в плечи и старался не смотреть на Степана Ивановича, а когда Степан Иванович отражал нападения Венчикова колкостями, он незаметно для Венчикова улыбался хозяину и, потупив глаза и робко всматриваясь в лицо Сергея Константиновича, молчал.

Николай Романович оказался большим любителем лошадей и всё время подбивал компанию пойти к конюшням, где выстаивались выхоленные кони Степана Ивановича. Я обратился к старичку с каким-то вопросом относительно лошадей и, к моему изумлению, услышал такую тираду:

– Были, батюшка мой, и у меня лошади... были... да что поделаешь!..

Мне показалось, что на его глаза навернулись слёзы, и я спросил:

– Что же, погибли?..

– Нет... А так... Точно вихрь какой налетел на моё благосостояние и всё поразметал – и лошадей, и усадьбу... и всё... Теперь вот приходится на старости лет у сестры жить...

Во время обмена этими короткими фразами со старичком мы подходили к обширному молотильному сараю, недавно побеленные кирпичные стены которого, отражая лучи яркого солнышка, заставили нас всех прищуриться.

– Эка, ведь, какой сарайце-то сбрыкал! – не удержался и, разведя руками, воскликнул Венчиков.

Степан Иванович самодовольно усмехнулся и, вынув из кармана пиджачка связку громадных ключей, отпер замок на широкой двери сарая.

Мы внимательно осмотрели молотилку, провода и «топчак». Венчиков всё время тыкал тростью в колёса приводов, ощупывал ремни и говорил:

– Нечего сказать, обосновался, Степан Иваныч, колёса да

машины завёл, а у нас тут простая рига стояла, и хлеб-то мы молотили цепами... да... цепами... Бывало, прикажешь с вечера старосте быть завтра поутру стольким-то холопам на молотьбе. Глянь – утром работа кипит.

Венчиков повёл насмешливым взглядом вокруг себя и, искоса взглянув в лицо Степана Ивановича, добавил:

– Вы вот всё с машинами возитесь, а мы – людей своих имели... своих собственных холопов... Н-да-с!..

– И мы людей имеем, Сергей Константинович, и мы имеем, – певучим голосом ответил ему Степан Иванович, и ироническая улыбка скользнула по его губам, – человек сорок имеем в услужении – и все у нас в повиновении, – добавил он.

Разговор на этом и прервался. Мы обошли молотильный сарай и в узкую дверь в другом конце его снова вышли на двор. Впереди всех шли Марья Романовна и Николай Романович, за ними следовали Лука Демьянович и любезный хозяин, а Венчиков отстал и, когда я с ним поравнялся, начал:

– Богатый купчишка-то. Денег – куры не клюют, опять же и сараи какие сбухал, а вот дом мой совсем испакостил... Видели, какая обстановка-то? Всё это грубо, неуклюже и неизящно...

После короткой паузы Венчиков развёл руками и, переменяя тон, добавил:

– Вы знаете... Я, ведь, вам уже говорил, что раньше это

моя была усадьба-то... А! Разве у меня такая была обстановка в доме и такой порядок?.. Мужик он, так мужик и есть. Сколько, верно, не наряжай его в немецкий пиджак, а всё изпод полы будет виднеться посконная рубаха... Денег у него много – единственная добродетель...

Он пристально посмотрел мне в глаза и, поощрённый моим вниманием, продолжал:

– Я бы на его месте, чёрт возьми, такую бы обстановку завёл да и кралечку-то прихватил бы, не чета его Серафиме Васильевне... Повара себе выписал бы из Москвы... А они что – жрут капусту с картошкой на постном масле и блаженствуют, а вместо вина-то пьют квас... Что это за жизнь?..

Боясь, как бы не прервалась интересная речь Венчикова, я старался всё время ему поддакивать и слушать его с большим вниманием.

– А попросите-ка вы у него денег взаймы – не даст, ни за что не даст, – продолжал он. – Сегодня утром приехал к нему и первым делом прошу взаймы двести рублей месяца на два или на три... Понимаете: месяца на три! Что это значит?.. Так нет же, – не дал, упёрся как упрямый осёл, и ни за что ты его не убедишь. Тем более, что и дело-то верное. Надо, видите ли, мне побывать в городе, немного стряхнуть эту деревенскую-то плесень, да и кстати дело есть – хочу заложить имение, а он, глупый, того не понимает, что, как только заложу, деньги получу и ему возвращу... Понимаете?.. Ну, да, думаю я, что его к вечеру-то уломаю... Нет,

ведь, какая, понимаете ли, скотина?.. Разве в наше время так соседи жили? Помню я – мальчишкой ещё был – отец мой, чуть что денег надо, поедет к кому-нибудь из соседей и сейчас же достанет... Мы, дворяне, жили по другим правилам: деньги понадобятся – иди к соседу и занимай; люди понадобятся – опять же иди к соседу и непременно достанешь холопов на какую-нибудь срочную работу. Помню я, – лет семь мне тогда было, – не хватило у нас в дворне девок... Понимаете: девок не хватило!.. Сейчас это отец мой послание к соседу, вот к отцу покойного Александра Александровича Хвостова, и что же вы думаете? На другой день встаём, а около людской избы их штук шесть или семь и всё, знаете ли, кровь с молоком, красивые да здоровеннейшие...

Сергей Константинович цинично рассмеялся и чмокнул губами.

– Людей давали займы, не то что деньги, – минуту спустя, продолжал он. – А почему был такой порядок?.. Потому что мы умели жить по настоящему. Они, купчишки-то, деньги в банк возят, а мы их по лучшим магазинам Москвы и Петербурга разбрасывали... А почему так? А только потому, что они живут для банка да для сумы своей поганой, а мы жили для тела и души. Понимаете: для тела и души, и ни перед чем не останавливались... Захочет душа вина – пей! Захочет как-нибудь заморских консервов – ешь!.. Захочется и ещё чего-нибудь такого остального – готово и остальное...

Говоря, Венчиков размахивал руками и улыбался нехоро-

шей улыбочкой. Я слушал его и, недоумевая, задавался вопросом: «Ужели это не сновидение? Ужели в Бугульминском уезде, Самарской губернии, ещё жив Сергей Константинович Венчиков, представитель прошлого?» Раньше я слышал нечто из жизни прошлого, о другом читал, а теперь слышу живую речь человека, который уверяет меня, что когда-то он жил всей этой минувшей жизнью. Я осмотрел бритое лицо Венчикова с седыми усами, осмотрел его коротко остриженные волосы на жирном затылке, осмотрел и его фуражку с красным околышем и невольно спросил:

– Сергей Константинович, скользко вам лет?..

– А вы почему это меня спрашиваете? – в свою очередь спросил он и, повернув ко мне лицо, уставился на меня внимательным взором.

Я не ответил.

– Вы, что же это, сомневаетесь в правоте моих слов? Вы думаете, что я вру и говорю всё это со слов других?.. Мне – шестьдесят три года-с... Да-с, шестьдесят три года, а остальное, пожалуйста, сами соображайте... Мне, милостивый государь, было четырнадцать или пятнадцать лет, когда я начал настоящую-то жизнь... Да-с, мы жили иначе, и вам, господа, не понять нашей жизни, не понять-с!..

– Вы что это там?.. Ха-ха-ха!.. Руками-то размахиваете? – улыбаясь во всю ширь своего лица, говорил Степан Иванович, приостановившись и поджидая нас около угла высокого бревенчатого здания, от стен которого пахло сосновой смо-

лой.

– А вот я рассказываю заезжему человеку о том, как здесь жили наши отцы, да какой жизнью пробавлялись мы, их достойные потомки, – громко отвечал Венчиков.

– Ах, вы всё об этом?.. Что же, пожили да и померли и нам место предоставили, – негромко заметил Степан Иванович.

Мы догнали остальных гостей Степана Ивановича и осмотрели каретники с экипажами. Здесь никто из гостей ничему не удивлялся, ничто не возбуждало и спора. Когда же мы приступили к осмотру конюшен, спор завязался с прежней интенсивностью. Спорили, главным образом, Николай Романович и Чумаков, которые оказались оба большими любителями лошадей. Венчиков непосредственного участия в споре не принимал, сосредоточив своё внимание на караковом жеребце, который высунул свою красивую голову в дверь поверх деревянной задвижки и, фыркая, зорко осматривал любопытствующих. Николай Романович погладил рукою красивую морду лошади, а Чумаков посмотрел жеребцу в зубы и потом долго вполголоса говорил что-то со Степаном Ивановичем.

Марья Романовна, видимо, не особенно интересовалась конями. Заслонив себя зонтиком от солнышка, она, медленно шагая, направилась дальше к узкой калитке в решётчатой изгороди сада. Я последовал за нею.

– У Степана Ивановича, видимо, и сад большой? – спросил я её, догнав у самой изгороди и распахнув перед нею ка-

литку.

Она остановилась, пристально посмотрела на меня сочувственными глазами и, поправив седой локон, сбившийся на висок, ответила:

– О, да! Сад очень большой, тенистый сад, только в запустении...

Войдя в сад, я скоро убедился в правоте замечания Марьи Ивановны.

Толстые берёзы, липы и клёны образовывали над головами сплошной шатёр веток, сквозь который едва-едва пробивались лучи солнца, яркими кружками падая на зелень травы. Прямая и широкая аллея, по которой мы шли в глубину сада, заросла травой, и только узенькая тропинка, пробитая ногами, извивалась по её середине. По сторонам виднелась чаща деревьев, подножие которых проросло травой и было устлано прошлогодним листом и сухими сучьями. Мы пересекали поперечные аллеи, которые заросли молоденькими сосенками и берёзками. Кое-где на главной аллее встречались скамьи, заросшие травой, а в одном месте на широкой площадке Марья Романовна указала мне на развалины беседки, от которой остались теперь лишь два-три покачнувшихся столба и пол, прогнивший и обрушившийся.

– Видите, какой же это сад? – разводя руками, говорила моя спутница. – Запустение, уныние... жалость одна... Бывало, все дорожки были расчищены и усыпаны песком, по сторонам стояли крашенные скамейки и диванчики. Там

дальше, – указала она рукою, – были прекраснейшие цветники, а у Степана Иваныча ничего не делается, всё в забросе. Как-то даже говорили, что он весь сад хотел вырубить на дрова, да, видите ли, батюшки послушался и не посмел сгубить такие вековые деревья. Действительно, ведь, это было бы преступление. Батюшка Никандр ему и говорит: «Пока я жив, не смей, Степан Иваныч, губить сада. Оставь, пусть растёт»... Послушался он его, и ничего – дурь-то из головы выколотил... Конечно, это очень хорошо, что вон там, – она указала рукою вправо, – Степан Иваныч посадил фруктовых деревьев, но, подумайте сами, что же бы это было, если бы он вырубил все эти прекрасные берёзы и клёны?..

Я слушал Марью Романовну и соглашался с нею, благословляя неизвестного мне батюшку, заступившегося за вековой сад.

– Эй, господа!.. Эй, Марья Романовна! – услышали мы и остановились, обернувшись.

Посреди аллеи стояли гости, во главе со Степаном Ивановичем, который махал рукою куда-то вправо и кричал:

– Сюда! Направо!.. Там у меня вишенник и крыжовник...

Мы вернулись и скоро догнали всю компанию в той части сада, где были посажены фруктовые деревья.

Гости, поощряемые хозяином, принялись срывать спелые плоды с вишнёвых деревьев, которые правильным четырёхугольником занимали довольно обширную площадь сада. Немного дальше начинался такой же четырёхугольник

невысоких кустиков крыжовника, за ним разросся малинник, а несколько дальше по склону холма виднелись яблони с ветками, склонившимися к земле под тяжестью созревающих плодов.

Когда проба вишни, крыжовника и малины была в достаточной степени произведена, все мы столпились около яблонь, и Степан Иванович довольно охотно объяснял нам, какой породы та или другая из яблонь, и какие на каждой из них созревают яблоки. К плодам, однако, никто не решился прикоснуться, находя их не созревшими, и только Лука Демьянович Чумаков, разломив поднятое с земли яблоко, проклинал червяка, который поселился в самой сердцевине свалившегося с дерева плода.

Пройдя правым крылом сада, мы дошли до плетня, в котором была сделана узенькая дверца.

Через калитку в плетне мы вышли в ржаное поле, рассмотрели колосья желтеющей ржи и вышли на дорогу, которая вела от усадьбы Степана Ивановича в лес, отдалённая грань которого зубчатой стеной обрисовывалось на фоне безоблачного неба. Солнце по-прежнему нещадно припекало и отбрасывало на пыльное полотно дороги наши неуклюжие, несколько удлинённые тени.

Разговор не вязался, главным образом, потому, что как только мы вышли из тени сада, то и принялись жаловаться на невыносимую жару. Недолго совещаясь, все мы решили уйти под тень широкой террасы дома.

III

Вкусно состряпанный и прилично сервированный обед прошёл оживлённо. Хозяин и хозяйка усиленно угощали гостей, при этом Серафима Васильевна перед каждым блюдом в чём-то извинялась и сладко улыбалась. Гости одобрили пирог, поросёнка в сметане, курицу под каким-то соусом и пирожное, которое, хотя и утратило под влиянием жары какую-то форму, но, тем не менее, было вкусное.

Больше других пил Венчиков и, начавши с водки, перепробовал все вина, находившиеся на столе, пока не остановился на хересе какой-то высшей марки.

После обеда мы часа два сидели на террасе и пили чай с лимоном и коньяком. Разговор всё время вёлся на крайне разнообразные темы, что называется, скакал с предмета на предмет, и, судя по утомлённым и пресыщенным физиономиям присутствовавших, можно было заключить, что все мы за день порядочно надоели друг другу, и самое лучшее, что мы должны были сделать, – это разъехаться по своим домам или разойтись. Степан Иванович и Серафима Васильевна представлялись мне мучениками. С десяти часов утра им пришлось принарядиться в свои лучшие платья, держаться всё время настороже, чтобы гости не молчали, кушали и пили и, вообще, приятно проводили время.

В седьмом часу Марья Романовна с братом Николаем Ро-

мановичем уехали. Последний совсем ослабел от хереса высшей марки и заплетающимся языком старался рассказать мне что-то из «исторического прошлого их мест». Он взял с меня слово, что когда-нибудь я навещу его в их дворянской усадьбе, верстах в десяти от усадьбы Степана Ивановича. Вскоре после отъезда брата с сестрой уехал на своём гнедёнком жеребчике и Лука Демьянович Чумаков.

Хозяева не особенно охотно отпускали гостей, по крайней мере делали вид, что им очень неприятно, если все разом поднимутся и разъедутся. Венчикову, напротив, не хотелось уезжать, и он довольно откровенно высказал своё желание:

– А вот я так не двинусь, Степан Иваныч. Сижу вот и ни за что не двинусь с места, пока жара не свалит...

– Очень, очень рад, Сергей Константинович, сидите, пожалуйста... Вот мы ещё вечерком-то по полю пройдемся, ходим на пруды и на мельнице побываем, – говорил Степан Иванович.

В поле и на мельницу мы ходили вчетвером. Мне пришлось быть кавалером Серафимы Васильевны, а Степан Иванович и Венчиков, немного поотстав от нас, шли медленно и всё время говорили о чём-то вполголоса. Иногда, впрочем, голос Венчикова повышался, и до моего слуха доносились отдельные слова и фразы. Нетрудно было догадаться, что Венчиков старается убедить в чём-то своего спутника, а тот упорно настаивает на своём или отделяется молчанием, которое никак нельзя было считать признаком согласия.

Когда мы вместе сошлись на берегу пруда, разговор как-то не вязался. Степан Иванович тоном утомившегося преподавателя что-то долго и вяло рассказывал нам о пруде, о плотине и о мельнице, и никто из слушателей не возражал ему и ни о чём не расспрашивал. Только Серафима Васильевна изредка поддакивала мужу или вносила поправки в его вялую речь.

Солнце зашло за грань отдалённого леса, и, когда мы вернулись на террасу, на длинном столе, покрытом белой скатертью, уже были расставлены чайные приборы, и не успели мы занять места, как был подан самовар.

«Опять пить и есть», – подумал я с тоскою и сколько ни старался уверить Серафиму Васильевну, что сыт по горло и не хочу чаю – моя попытка не увенчалась успехом.

Все мы решили пить чай с коньяком, и Венчиков прочёл целую лекцию о пользе коньяка с чаем. Часа через полтора или два, когда чай был закончен, Венчиков выразил желание пить коньяк.

Стемнело. Заря заката потухла, и на безоблачном небе одна за другою загорелись яркие звёздочки. Над полями и лугами, необъятный простор которых расстился перед усадьбой, поползли воздушные волны тумана, и даль закуталась в сумрак.

На террасу подали лампу, и, когда при свете я взглянул на Венчикова, он показался мне неузнаваемым. Лицо его налилось кровью и стало багровым, на лбу выступили жилы,

и в глазах загорелся какой-то мрачный огонёк, словно он сердит был на весь мир.

То и дело подливая в стакан коньяку, Венчиков пил, и по выражению его лица можно было думать, что он собирается сказать что-то, но он упорно молчал, несмотря на все старания со стороны Степана Ивановича вовлечь мрачного соседа в какой-либо разговор.

На Степана Ивановича и его жену мрачное молчание Венчикова произвело самое удручающее впечатление; они, видимо, чувствовали себя так, как будто в чём-то провинились перед ним.

– Домой-то уж я не поеду, – наконец, произнёс Венчиков.

– Ах, пожалуйста, Сергей Константинович, мы вас в гостиной уложим, – точно чему-то обрадовавшись, начал Степан Иванович.

Часу в одиннадцатом вечера мы с Венчиковым пожелали хозяевам спокойной ночи и удалились на отдых.

Для Венчикова постель была приготовлена в гостиной на широком кожаном диване, для меня – в соседней угловой комнате, которая, очевидно, заменяла Степану Ивановичу кабинет.

Всё время, пока мы размещались и укладывались, Венчиков хранил глубокое молчание и отчаянно сопел и пыхтел. Через дверь я видел, как он разделся и, оставшись в белых панталонах и красной рубашке, закурил толстую папиросу и, медленно укрывшись одеялом, улёгся. Он лежал с высоко

приподнятой на подушке головою и пристально всматривался в пламя свечи, стоявшей на столе у дивана, и как будто о чём-то размышлял. Наконец, он негромко произнёс:

– А, ведь, не дал мне денег-то, проклятый купчишка!.. На два месяца просил, только на два месяца...

Он сбросил с себя одеяло и, отдув жирные красные щёки, тяжело вздохнул. Пламя свечи затрепетало от напора его дыхания, и в комнате по стене и потолку задвигались тени.

– Человеку предлагал всевозможные гарантии, закладывал ему свои ружья, и ничего это не помогло. Понимаете, – ружья закладывал, единственно дорогие мне вещи на свете, и хоть бы бровью моргнул, пёс проклятый...

Венчиков уселся на краю дивана и опустил на пол ноги.

– Хоть бы ещё коньяку, что ли, выпить, а то всё равно не уснёшь, – проговорил он. – Купчишка думает, что я к нему на именины приехал... но ошибается... Плевать я хочу на его именины-то! Приехал я к нему денег занимать. Да, слишком большая честь, чтобы дворянин Венчиков счёл нужным побывать на именинах у купчишки и мужика в немецком платье.

Венчиков поднялся, широким размахом рук потянулся и, ступая босыми ногами по полу, перешёл ко мне в комнату. Признаться, я не особенно доволен был этим вторжением. За весь именинный день я физически и нравственно утомился, и мне хотелось отдохнуть перед сном с книгою, которую я предусмотрительно захватил с собою; надоел мне и Вен-

чиков со своей циничной развязностью. Подойдя к кушетке, на которой я лежал, он остановился, упёрся руками в собственные бока и сказал:

– Вы, может быть, думаете, что эта неудача приведёт меня в отчаяние?..

– Нет, я этого не думаю, – отвечал я.

– То-то! Я не привык впадать в отчаяние от такого пустяка... Мне только страшно досадно, что я заикнулся ему о деньгах. Никаких отказов я не признаю. Понимаете, – не признаю!.. А то – получить отказ от какого-то мужика!.. Чёрт знает, конечно! Но, ведь, может же быть, что его дед там какой-нибудь или прадед был крепостным моего деда...

Венчиков опустил в кресло у стола и задумался.

– Чёрт знает, как-то всё странно складывается в моей жизни! – снова начал он, и в голосе его послышались какие-то неуверенные и дрожащие нотки. – Как будто я живу-то только для того, чтобы наблюдать собственное умирание... Понимаете, – умирание... В детстве был сыном крупнейшего помещика в губернии, потом подрос, и наши владения урезались. Побыл четыре года в драгунах, а когда вышел в отставку и приехал домой – пришлось снова урезать имение. Наконец, дело до того дошло, что и эту усадьбу пришлось продать поганому купчишке, а самому, извольте-ка, ютиться на хуторе, на двухстах десятинах... Нет, в этом есть что-то роковое!..

Он немного помолчал, потом грузно поднялся, дошёл

до стола у своей постели и, закурив папиросу, снова вернулся ко мне в комнату и уселся в кресло. Я отложил книгу в сторону и ждал, что будет дальше.

– Вот здесь, где вы изволите почивать, у меня был кабинет, – начал он снова, разводя руками. – На стенах висели всевозможные ружья, пистолеты, ягдташи и патронташи; у стола лежала медвежья шкура, на столе альбомы, портреты и разные там безделушки, и всё редкостные-с, старинные-с!.. Вон, слышите, в доме тикают часы. Это были мои часы, бронзовые, старинные. Вон там, – он указал на стену гостиной, где над диваном висела какая-то олеография, – вон там висел портрет моего отца, гвардейского генерала. Кругом на стенах висели портреты дедов и прадедов, и всё заслуженные люди... передовые люди России!.. А обстановка этих комнат разве такая была? Впрочем, что всё-то вспоминать! Я не могу понять только одного: в силу каких таких причин всё это изменилось?.. Всё вокруг меня умирало с удивительнейшей последовательностью и быстротой: не осталось ни одного родственника, да вот и из старых-то знакомых только Марья Романовна с братом и остались; Александр Александрович Хвостов умер позавчера, и нам верно пора убираться...

Голос его дрогнул, и он замолчал. Минуту спустя, Венчиков поднялся и с какой-то радостью в голосе произнёс:

– А знаете, ведь, у меня с Марьей Романовной был когда-то роман... и какой замечательный роман... Я отбил её

у её покойного пентюха, Игнатия Ильича Прозорова. Потешный был «волкодав», как мы его звали, и покорно носил рога в течение более чем десяти лет... Да, так вот я всё-таки вернусь к старому, к этому, так сказать, собственному вымиранию. Изменилась жизнь с поразительной быстротой, и никакими силами не удержать бы того, чему суждено было измениться...

Он немного помолчал и, впад в какой-то трагический лиризм, продолжал:

– В сущности, какие мы, люди, маленькие крупички, в сравнении с нашей планетой, с целым миром! Я часто думаю об этом, и, представьте себе, в этих думах есть что-то утешительное... Вам никогда не приходилось ночью лежать кверху лицом и смотреть на звёзды? – вдруг неожиданно спросил он меня и, получив утвердительный ответ, продолжал. – Ну так вот: лежишь, смотришь и думаешь: «Какая ты микроскопическая песчинка в сравнении с расстоянием, ну, хоть до самой ближайшей звёзды, и какой ты в сущности напёрсток в сравнении со звёздной!» Представляете вы себе такое сравнение?.. Подумаешь-подумаешь, посравнишь-посравнишь да и плюнешь на всё... и пойдёшь водку или коньяк пить. Я с самого детства был подвержен этим размышлениям... Бывало, в дворянском полку все сверстники зубрят астрономию, а я смотрю на них и смеюсь. «Дураки, – мол, – вы этакие! Для какого чёрта вы учите, как какая звезда двигается, и какого она веса и объёма; ведь, всё равно

до тех звёзд не долететь... А любая из звёзд захочет и весь мир перевернёт в одно мгновение ока, а то возьмёт да и превратится в комету, да своим горящим хвостом и мазнёт землю»... То же бывало и относительно других наук. Ну, на кой чёрт я буду учиться, стремиться знать, когда и мои-то учителя не уверены, сколько ещё мгновений или тысячелетий просуществует мир?.. Нет, вы представьте себе: я – маленькая букашка – и весь мир, этот колосс. Ведь, до меня мир-то существовал и обходился без моей науки. На кой же чёрт ему я и моя наука?..

Венчиков затянулся папиросой и продолжает:

– Какими-то судьбами кончил я дворянский полк и сделали меня офицером. Бывало, гарцую во время ученья на коне и думаю: «На кой чёрт миру мой конь и моё ученье?..» Посмотрю на товарищей-офицеров и на солдат и посмеюсь над ними в душе... «Учитесь, – мол, – разъезжайте на своих конях холёных, и она, комета-то, возьмёт в одно прекрасное время да и слизнёт вас всех вместе и с землёй»... В самом деле, трудятся люди, страдают, борются, умирают, а для чего?.. Для чего, когда все они, вместе взятые-то, ничего не смогут поделаться ни с миром, ни с его законами? Мне часто приходит в голову мысль: «А что, если бы все люди, которые до сих пор умерли, вдруг бы все восстали из мёртвых, что бы из того произошло?..» Как вы думаете, что?..

Я затруднился ответом и молчал.

– Мне кажется, они не догадались бы, как они все были

смешны, когда жили, и снова начали бы трудиться, страдать и болеть... Ну, разве не бессмыслица такое существование? Я всю жизнь был противником такой жизни, я жил только ради себя, ради своего тела и души: ничего никогда не делал и ни к чему не стремился. Я искал в жизни удовольствий и находил их, теперь только иногда трудновато приходится; ну да что, мне шестьдесят три года и уж недолго осталось жить без удовольствий... Степан Иванович думает, поди, что несказанно огорчил меня своим отказом. Шалишь, брат, господин купчишка! В уныние я не впаду, а ты вот всю жизнь проживёшь слепым и ни на минуту не прозреешь. Я думаю, за всю жизнь он ни разу не задумывался, что он есть, и что он по сравнению с миром?.. Живёт себе ради мошны своей толстой да ради банка, и никакого духовного интереса... Числился я несколько лет земским гласным и собрания посещал и всякий раз в душе смеялся над земцами. Ну, ради чего вы, господа, волнуетесь и горячитесь? Ради мужика, что ли?.. А что такое мужик? Что такое человек вообще?.. Песчинка! Самая крохотная песчинка, и для чего этой песчинке стараться вырасти? Для чего?.. Для того, чтобы потом обратиться в прах? Ведь, живут же животные и насекомые в своё удовольствие и никакими превыспренними мыслями не задаются: плодятся, едят, спят и умирают... В этом же и назначение человека... И сколько вы там ни старайтесь убедить меня в противном – я ничему не поверю. Всё вздор, – все ваши науки, и знания, и там разные

гуманности, – всё это выдуманно... Всё! Ничего нет этого, всё вздор!..

Он прошёл в гостиную и долго ходил из угла в угол, по-пыхивая папиросой и отбивая по полу ровный такт босыми ногами.

– Если бы все ваши науки действительно что-нибудь стоили, то не было бы ни болезней, ни катастроф разных, ничего бы этого не было, и если бы на свете была ваша хвалёная гуманность – для чего же бы тогда люди жаловались на разные утеснения да на несовершенства жизни?.. Вон деревня Угловка неделю назад вся дотла выгорела, и у мужиков никаких машин не оказалось, и нечем было усмирить огонь... Опять же вон мухинские мужики с голода мрут, а ваша наука да гуманность и не подумали придти на помощь, – продолжал он свою страстную и непрерывную речь, шагая из угла в угол по обширной комнате.

Наконец, нервным движением руки Венчиков бросил на пол потухший окурок и с какой-то необъяснимой поспешностью забрался под одеяло.

– А именинник наш, поди, спит сладким сном, и снятся ему банк и много в нём денег... И-ме-нин-ник! И-ме-нин-ник! – повторил несколько раз Венчиков с иронией в голосе. – А спросить бы его, что значит – именинник?.. Что это за штука такая?.. Хотя бы нос, что ли, охрой себе вымазал ради этого дня, всё хоть чем-нибудь отличался бы от нас, а то как был Степаном Иванычем, так и есть Степан Иваныч

и умрёт им...

Венчиков сильно дунул на свечу, и вся его полная фигура, и диван, и обстановка гостиной потонули в сумраке. Скоро я услышал его громкое и тяжёлое похрапывание.

Я погасил свечу и, заложив за голову руки, лежал с открытыми глазами и смотрел в окно на тёмное небо июльской ночи... Я смотрел на далёкие яркие звёзды, о которых так много говорил сегодня Венчиков, и о которых он стал задумываться с дней беспечального детства. Тайна их бытия перевернула всё его мирозерцание, сделав его счастливым по своему на большую часть жизни, и только теперь ему приходится переживать горечь отказа в каких-то двухстах пятидесяти рублях, чем огорчил его сладко почивающий именинник...

А звёзды, далёкие, золотые и безмолвные, мерцали и красиво переливались разноцветными огнями в тёмном и пустынном небе...